

ЗАОКЕАНСКАЯ КУКУШКА И ЧУЖИЕ ГНЕЗДА.

КРОКОДИЛ

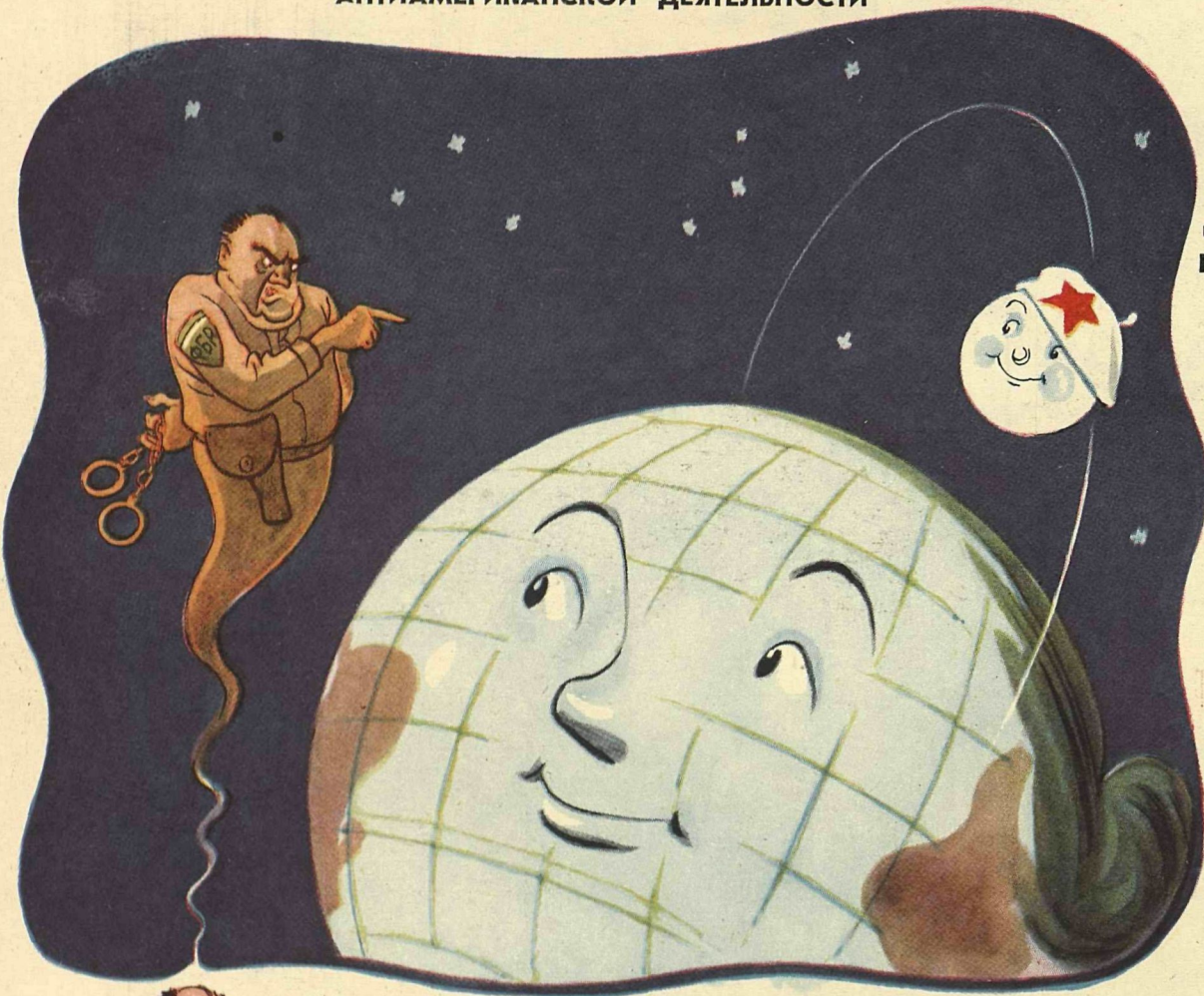
Вокруг СПУТНИКА

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА по теме Г. Тумаринсона (г. Ленинград).

ВОЗМОЖНЫЙ СЛУЧАЙ В КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ АНТИАМЕРИКАНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЧАЦКИЙ: — Сюда я больше не езду!
Ракету мне, ракету!

Юрий ЯКОВЛЕВ

НОВЫЙ ЖИЛЕЦ

На небе большое веселье,
На небе сейчас новоселье —
Вселился хороший жилец.
Он прибыл с ракетным
экспрессом,
Он дом осмотрел с интересом:
— Ну вот я и тут наконец!

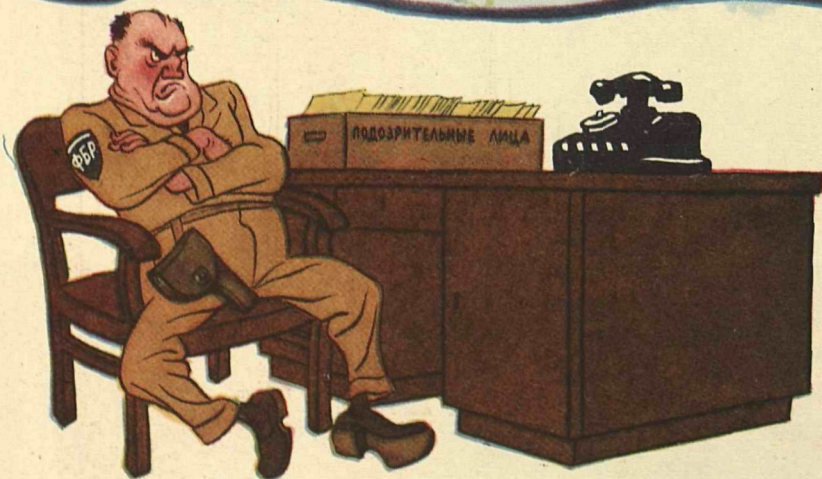
Хотя еще молод он слишком,
С ним каждый на небе знаком.
Луна называет
Братишкой,
Земля называет
Сынком.

Сказал звездочет звездочету:
— Я сбился, приятель, со счету.
Так сколько же звезд, говоришь?
И звезды переглянулись,
И звезды перемигнулись:
Мол, очень занятный малыш!

Он виден различным народам.
Его величают на «вы».
— Откуда, товарищ, вы родом?
А спутник в ответ:
— Из Москвы!

Звездой он сверкнул за
пригорком,
И вот уже нет его тут.
Летел он в Москву из Нью-Йорка
Всего лишь шестнадцать минут.

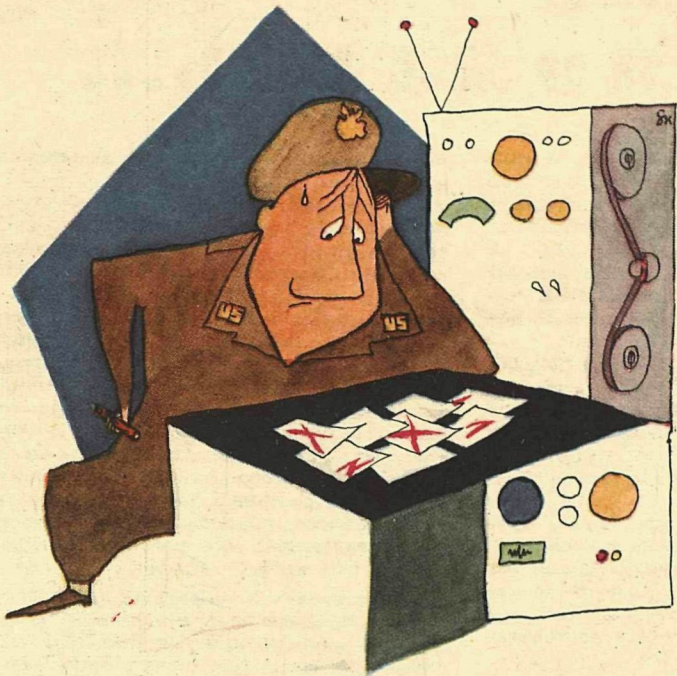
Когда я пишу эти строки,
То чувствую, как надо мной
Пронесится спутник земной.
Несется он, сил не жалея,
С Луной соревнуясь во мгле.
Со спутником нам веселее,
Спокойней шагать по Земле.

Бор. Ефимов-57.

— А знаете ли вы, мадам, что ваш спутник коммунист!

Рисунок Ш. КОБЫЛИНСКОГО (Польша).

— Как ни расшифровывай сигналы со спутника, выходит: мир-мир-мир-мир!..

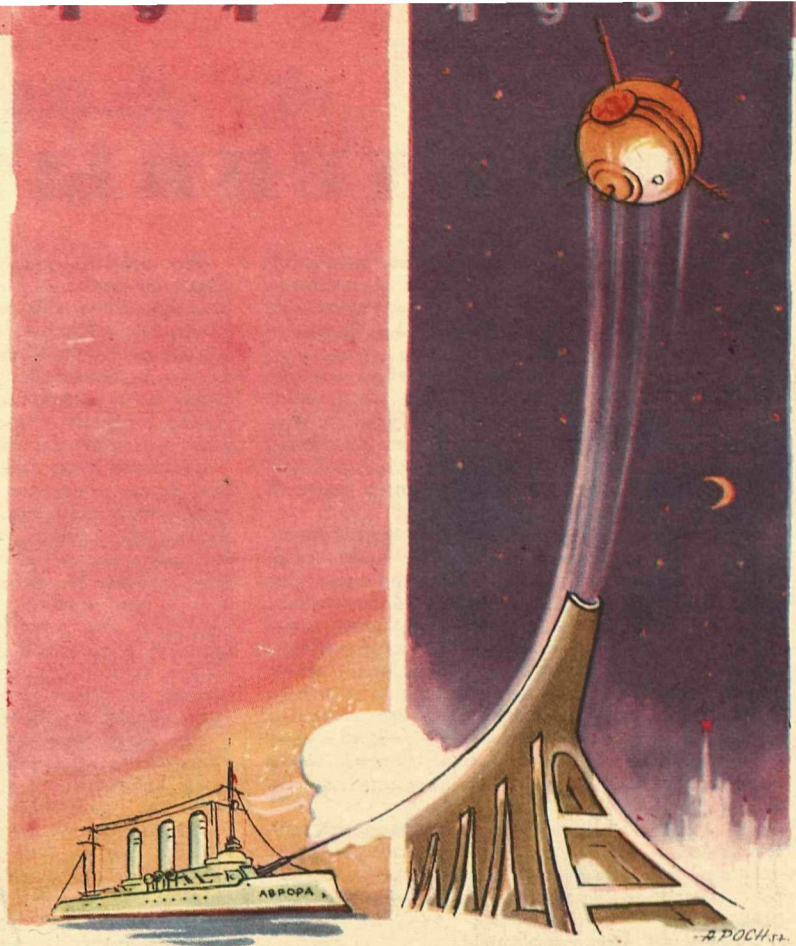

Рисунок А. ПОК (Румыния).

ДАЛЬНОБОЙНЫЙ ЗАЛП

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВЕЧЕРА

— Я уже луну вижу.
— А я слышу...

Рисунок Ю. ПУХАЛЬСКОГО (Польша).

БЕЗ СЛОВ

РОЖДЕННЫЕ ПОЛЗАТЬ...

«...Чрезвычайно огорчало событие, имеющее быть завтра. Завтра в 7 часов совершится странное явление: земля сядет на луну. Об этом и знаменитый английский химик Веллингтон пишет. Признаюсь, я ощутил сердечное беспокойство, когда вообразил себе необыкновенную нежность и непрочность луны. Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается. Я удивляюсь, как не обратит на это внимание Англия. Делает ее хромой бочар, и видно, что, дурак, никакого понятия не имеет о луне».

Так писал в своем дневнике петербургский чиновник Поприщин. Он пытался предотвратить столкновение Земли с ее спутником Луной. Поприщин поспешил в Государственный совет. В этом совете обитали капуцины — люди большого ума и твердого характера. Услышав сигнал о бедствии, они полезли на стену с тем, чтобы помочь бедной Луне.

Поприщин был сумасшедшим. Его тяжелые переживания и мрачные мысли изображены Гоголем. Сатирическая повесть Гоголя была написана и опубликована сто двадцать лет тому назад.

Ум, волю и характер героя гоголевской сатиры в наш век наследовали некоторые почтенные джентльмены. Они одержимы страхом. Им везде и всюду мерещится «рука Москвы».

Ох, уж эта «рука Москвы»!

В начале октября она бросила в космическое пространство искусственный спутник Земли.

Это событие взволновало весь мир. Англия обратила внимание на то, что происходит во владениях Луны. И Америка. И Испания с Португалией. И Турция. И все страны на обоих полушариях земного шара. Пожалуй, в мире не осталось человека, до которого не дошла бы весть о чудесном изобретении. Рабочий, инженер, студент и профессор восторгались новым проявлением человеческого гения.

Ничто не ново под Луной, говорили раньше. Все будет ново под Луной, говорит человек двадцатого столетия. Нет предела творческой мысли, дерзанию, мужеству и отваге. И если сегодня в космический рейс летит друг человека — собака, то завтра в этот рейс может полететь и сам человек!

Второй искусственный спутник Земли, брошенный в мировое пространство «рукой Москвы», вызвал страшный переполох среди тех людей, которым хотелось, чтобы не было ничего нового на Земле и в небе.

Эти люди нервничают, хватаются за головы, поминают имя господ бога.

Им хотелось бы остановить «руку Москвы». Но у них руки коротки! Два спутника летят да летят, повинная человеческому разуму. Советская Россия делает явью мечты Жюль Верна, Герберта Уэллса и других фантастов, что были и есть и в Старом Свете и в Новом.

Во втором спутнике, как известно, летит собака — первое живое существо в космосе. Ее полет продиктован благородными интересами науки. Советские ученые предусмотрели все для того, чтобы Лайка, отправленная

ими в слабое путешествие, выполнила свое назначение.

В Советской стране отнюдь не пользуется популярностью старая поговорка: собаке — собачья смерть. Сия поговорка появилась задолго до Советской власти. До Советской власти не было в России и того памятника «известной собаке», что поставлен недалеко от Ленинграда великим русским физиологом И. П. Павловым. На памятнике в Колтушах высечены такие слова: «Пусть собака, помощница и друг человека с доисторических времен, приносится в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства...»

Никто из разумных людей не называл русского ученого, приносившего собак в жертву науке, варваром. Для разумных людей этот ученый был великим гуманистом.

Но вот словечко «варвар» в адрес советских ученых брошено сегодня в связи с полетом Лайки в мировое пространство.

Мистер Гаррис Джильберт, проживающий в Штатландии, направил в Москву такую телеграмму:

«Почитатели животных во всем мире потрясены решением использовать в ракете собаку».

Мистер высокого мнения о своей роли в истории. Он присвоил себе право говорить за всех владельцев собак. В данном случае проявилась традиционная спесь, свойственная некоторым английским джентльменам. Владельцев собак в мире легион. Почитатели животных есть не только в той местности, где обитает достопочтенный шотландец.

Вполне может случиться, что они не будут солидарны с автором телеграммы. Вполне возможно, что они назовут его чудачком.

Думается, что не все владельцы мопсов, сен-бернардов, овчарок, лаек, дворняжек, мосек и жучек разделят чувство благородного негодования, охватившее в ноябрьские дни членов Лиги защиты собак в Лондоне.

Эти леди и джентльмены явились в советское посольство с письмом, протестующим против полетов Лайки.

Нас не потрясло сообщение из английской столицы о том, что члены вышеупомянутой лиги четвертого ноября соблюдали минуту молчания, помышляя о безопасном возвращении нашей Лайки на землю.

Говорят, что бог лишает разума того человека, которого он хочет наказать. Протестующие защитники собачьих прав, видимо, прогневили творца вселенной. Большого ума нет ни в их торжественных посланиях, ни в демонстрациях. Постное лицо английского ханжи выглядывает из посланий по поводу новых спутников Земли и живого существа, летящего впервые в космосе.

Впрочем, они не такие вегетарианцы, эти ханжи и лицемеры. Ценители собачьей жизни часто ни во что не ставят жизнь человеческую. Человеческая кровь для многих почтенных джентльменов дешевле водицы. Кровью миллионов людей писались страницы вековой летописи британского владычества в бывших колониальных странах. Прошлой осенью английская авиация варварски разрушала египетские города и села. Сегодня английские солдаты зверским образом расправляются с жителями Кипра и Омана, осмелившимися заявить о своем человеческом праве на свободу.

Англия славится не только своими замечательными писателями-фантастами. Есть в Англии и великие писатели-юмористы и сатирики. Как весело смеялись бы сегодня Диккенс и Бернард Шоу над потомками своих героев и героинь с их нелепыми протестами и глупыми претензиями!..

Позвольте и нам посмеяться над тем, что смешно в Англии.

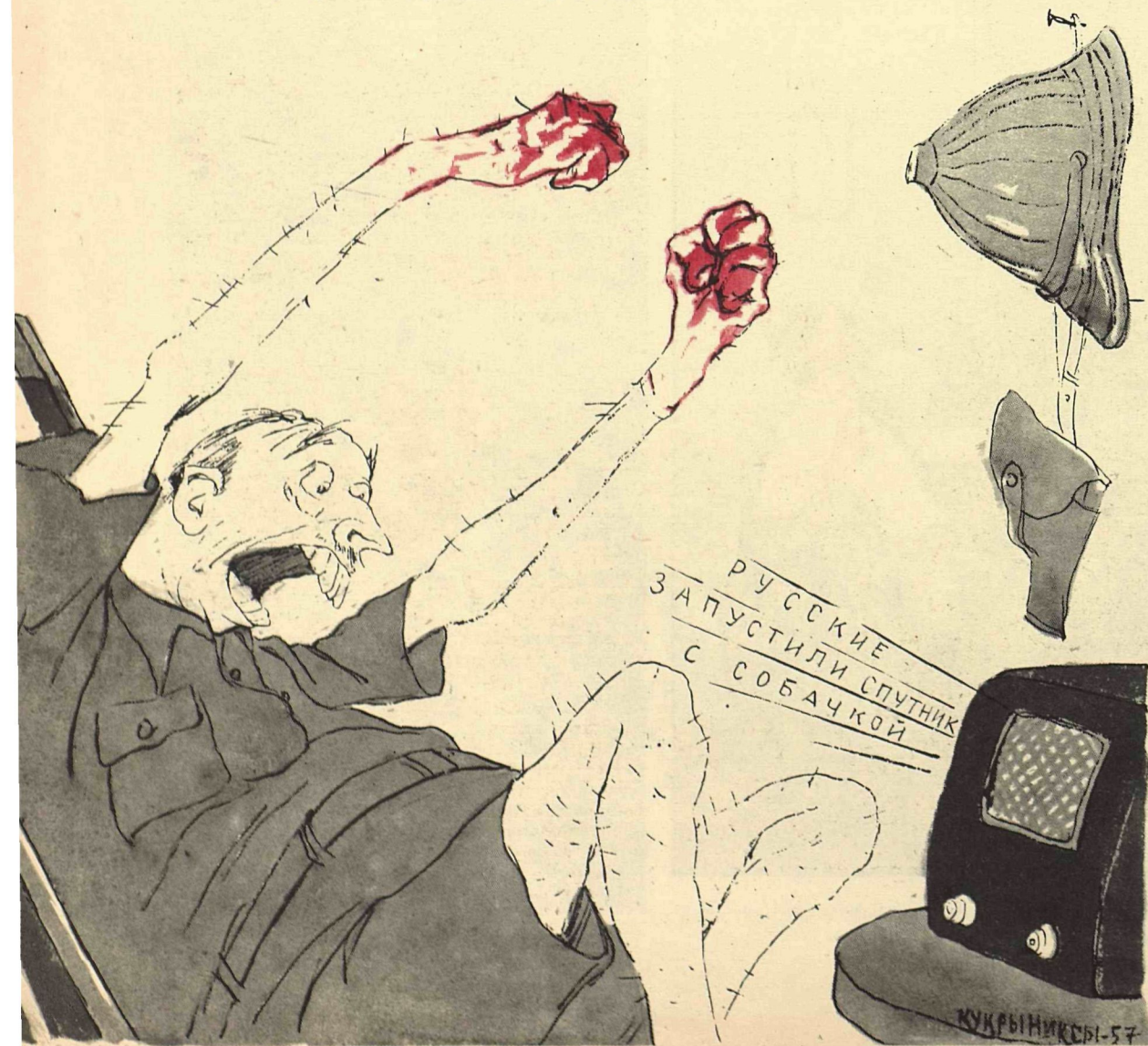
Оставайтесь, мистер Джильберт, со своими догами и болонками у своего камина. Рожденный ползать летать не может.

И. РЯБОВ

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

СЕРДОБОЛЬНЫЙ КОЛОНИЗАТОР

— О варвары! Бедную собачку обидели!

ДОРОГА ЛЕТИТ НА ЮГ

[Заметки автотуриста]

1

Мы выехали в путешествие на своих «Москвичах», еще не зная друг друга. Знакомство состоялось на рассвете в тридцати семи километрах от Москвы, на автотрассе, летящей в Крым. Я увидел впереди на обочине «Москвича» и высокого человека, который ожесточенно махал руками, явно желая, чтобы я остановился. Торможу. Человек подбегает и осыпает меня нервной скороговоркой:

— Вы москвич? Прекрасно! Значит, вы не сете ответственность за московские порядки. В какой-то мере? Прекрасно! Я инженер Санталов из Ленинграда. Сколько у вас канистр с бензином? Две? Прекрасно! Если в вас хоть чуть теплится чувство автомобильного товарищества, одну вашу канистру мы сейчас опорожним в бак моей машины...

Я не успел опомниться, как напористый ленинградец уже вернул мне пустую канистру. Мы закурили. Разговор пошел уже спокойней.

— Из Ленинграда я выехал с полным баком и двумя канистрами. А в Москву прибыл вчера вечером. Подъезжаю к бензоколонке — требуют талоны. А талоны достать негде. Суббота. Все закрыто. Ждать до утра? А где? Номер в гостинице не получишь. Автопансионата в Москве нет. Кстати, почему его нет? Не знаете? Вот я решил: поеду дальше, пока хватит бензина, а потом буду ждать на дороге доброго человека. И, видите, дождался. Кстати, верно ли, что в Москве, чтобы залить бензин в канистры, нужно ехать в нефтесбыт за специальным письменным разрешением?

— Верно.

— А вы можете привести мне хотя бы один разумный довод в защиту этого правила?

— Нет, не могу. И вообще надо ехать.

Поехали. Часа через три меня привлекла уютная речушка, и я остановился половить рыбу. Мой знакомый вскоре исчез за горизонтом.

2

Товарищи автотуристы и шоферы дальних маршрутов! Давайте в складчину закажем Союзу композиторов благодарственную кантату строителям наших дорог. Честное слово, они это заслужили. Какой замечательной становится автотрасса Москва — Ленинград! А Москва — Вильнюс — Рига! А эта — Москва — Симферополь, стрелой летящая на юг!

Но плохо, что эти дороги не устроены в смысле минимального обслуживания «ездюков». На ленинградской трассе ночью по обочинам стоят скооперировавшиеся на ночь лег грузовики. Из открытых кабин свисают ноги спящих шоферов. Неужели нельзя создать палаточные лагеря для ночного приюта автомобилистов? Почему сначала по всей трассе расставили, вероятно, не дешево стоящие скульптуры теннисисток, покрытых серебром, оленей и даже натурально раскрашенных пионеров?

Автогостиниц на южной трассе только две: во Мценске и в Зеленом Гае. Я приехал в Зеленый Гай в девять вечера. Номеров, конечно, нет. Дежурный администратор предлагает вам комнату «одного из сотрудников станции», которая сегодня «случайно пуста». Просто удивительно, как много оказывается таких комнат! Наконец вы получаете место под крышей! Но деньги-то вы платите не государству...

Опять, неужели трудно здесь же на лето разбить палаточный городок? Это же сразу прекратит спекуляцию свободными комнатами и даст приют сотням автотуристов. Ведь пора уже заметить, что автотуризм становится массовым.

3

Ялту по праву называют жемчужиной Крыма. И это не только за ее дивную красоту. Очень многое к красоте Ялты добавили советские люди, построившие здесь ряд красивых санаториев. Много сделано и для обслуживания курортников. Что есть, то есть! Но даже самая лучшая жемчужина нуждается в достойной оправе. Для Ялты такой оправой является море. Точнее сказать, пляж. Приехавший в Ялту человек хочет купаться в море. Исполнить это желание не просто. Дело в том, что общий пляж завален крупными камнями-валунами и строительными бетонными плитами. В общем, пора, пора Ялтинскому горисполкому заняться оправой своей жемчужины!

...На рассвете я проснулся в ялтинской гостинице «Южная» и долго не мог сообразить, где я нахожусь. С улицы доносилась солдатская переключка:

— Сто десять?

— Есть.

— Сто одиннадцать?

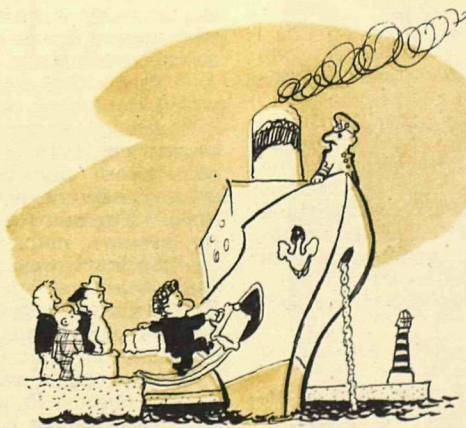
— Есть...

И так далее до двухсот и свыше. Оказалось, что возле Морского вокзала формируется очередь за билетами на теплоход, идущий из Одессы в Батуми. Примерно в полдень была проведена регистрация фамилий. Затем снова состоялась переключка, по-фамильная. Беседую с № 174. Это студент из Минска, Николай Усачев.

— Вы просто не представляете, — устало говорит он, — как трудно путешествовать по югу! Я вот в пути двадцать второй день. Точно подсчитал: пять дней ушло на разные хлопоты.

Вечером мы встретились с Усачевым уже на борту теплохода «Нахимов».

— Хотите знать самое интересное? — спросил он. — «Нахимов» ушел из Ялты со свободными местами.

— Верно, — подтверждает капитан «Нахимова» тов. Соболев. — Но я за Ялтинский порт не отвечаю. Я от них не могу добиться, чтобы сделали второй трап. Видели, какая была толкучка при посадке?

4

В Коктебеле женщинам нельзя появляться в брюках. Одна из нарушительниц стала ссылать-

ся на то, что такие брюки рекомендовались на проходившем в Москве Международном конгрессе мод. «Ничего не знаем, — ответил милиционер, — у нас есть постановление Судакского райисполкома. Платите штраф»... Ялтинская «Курортная газета» обрушилась на женские брюки яростным стихотворным памфлетом. Автор памфлета снисходительно позволяет девушкам и женщинам носить брюки, когда они стоят у заводского станка или, на худой конец, во время занятий спортом. Но на отдыхе — избави бог! Позитив у автора чисто эстетическая: его, видите ли, огорчает, когда брюки надевает женщина с нескладной фигурой, ибо брюки подчеркивают вышеупомянутую нескладность.

Ну, а если фигура складная, тогда что? И не милиции ли автор хочет поручить определение складности женских фигур?

Мы были свидетелями, как в центре Ялты милиционер остановил женщину в красивом сарафане.

— Одно из двух, — сказал он ей, — или прикройтесь, или платите штраф.

Женщина предпочла прикрыться, накинув на плечи носовой платок.

— А так можно? — спросила она.

Осмотрев ее, милиционер благосклонно сказал:

— Так сойдет.

Иногда по улицам курортных городов отдыхающие разгуливали в пижамах. Теперь это запрещено. Лучше поздно, чем никогда. Но почему вместе с пижамой в опале оказалась верхняя одежда, узаконенная во всем мире, кроме Черноморского побережья?

Почему составители грозных инструкций и постановлений на этот счет решили, что все приезжающие к ним отдыхать люди главной своей целью ставят появиться на побережье в неприличном виде?

5

Последнее — это просто вопль автомобильных путешественников. При погрузке машины на теплоход в ней не должно быть ни капли бензина. В Ялте мне с трудом удалось уговорить двух местных шоферов взять у меня бесплатно 40 литров бензина. Спасибо им, сжалились, взяли. Ведь на землю, естественно, вылить нельзя... Но вот моя машина выгружена в Сочинском порту. Бензина ни капли. Беру канистру и иду далеко-далеко, в единственный магазин, где продаются талоны на бензин. Теплоход пришел в шесть тридцать утра. Магазин открывается в девять. Жду. Покупаю талоны и иду далеко-далеко на Приморскую улицу, где бензоколонка. Оттуда — обратно в порт... На все это ушло три часа.

6

Послесловие. И все же автомобильный туризм — чудесная штука! Надо только не проежжать на третьей скорости мимо всего, что омрачает путешествие. Притормозите, друзья, возле каждой нелепости, узнайте, кто ее породил, и напишите нам. «Крокодилу» не чуждо чувство автомобильного товарищества.

Москва — Коктебель — Ялта — Гагра — Москва.

САМОБЫТНЫЙ ХАРАКТЕР

Толя Сенегалов, пятилетний мальчуган с ясными, круглыми глазами, был явно не в духе. То ли он объелся фруктовым палочкой, то ли ему просто надоело пребывать в хорошем настроении, но в этот день абсолютно все вызывало у него недовольство. Он ходил по квартире и брюзжал:

— А каша сегодня была пригорелая.

— Опять дождик собирается, а у меня в калоше дырка.

— Папа на работу ушел. Не может дома спокойно посидеть одну минутку.

И даже перешел на личности:

— У бабушки зуб кривой.

Мать, услышав все это, посмотрела на свое чадо с удивлением:

— Смотрите-ка! У ребенка удивительно острый глаз. Он подмечает решительно все недостатки... Тольчик, на тебе конфетку!

— Это дитя наверняка будет критиком, — с гордостью сообщила бабушка на кухне соседке Марье Антиповне.

Толя все эти отзвывы слышал, и ему понравилось быть критиком. Он продолжал брюзжать и на второй день и на третий... А потом привык и ныл уже по инерции.

— На публику работает, — сказал папа, узнав об этом. — Дать бы ему по шее — живо перестал бы дурить. Да нельзя. Не педагогично.

Но один раз по неопытности Толя зарвался и перешел границы, отведенные для великих критиков. Он при гостях назвал бабушку ведьмой. Отец плюнул на педагогику и дал ему небольшую затрещину. А раскритикованная тут же изменила свои прогнозы.

— Никаким критиком он не будет, — оскорбленно заявила она, — а вот хулиган и грубиян из него получится знатный!

Из этого случая извлек уроки и Толя. Он понял, что не всегда следует предавать гласности свои убеждения; подчас за это можно и поплатиться. Кроме того, идя в бой, нужно закреплять тылы. А в момент получения затрещины мама как на грех ушла.

Шли годы, и Толя стал школьником. Свои воззрения и принципы он перенес в школу. На приготовление уроков он тратил очень мало энергии, предпочитая расхотывать ее на всякие дискуссии. Вскоре он, сам того не зная, научился применять софистику и с помощью этой науки неопровержимо доказывал, что во всех его неудачах виновны только учителя и никто более.

Однажды мать в тесном семейном кругу процитировала его первое изречение:

— «Нет плохих учеников, а есть плохие педагоги. Если у меня по географии двойка, виноват не я, а Клавдия Петровна. Значит, плохо донесла до меня материал».

— Дерзко, но остроумно, — восторгалась мать, — хорошо, что отца не было дома, а то наш философ получил бы взбучку.

Никем не сдерживаемый юный философ в развитии своей теории пошел еще дальше и вскоре подарил миру новый афоризм:

— Нет плохих детей, а есть плохие родители. Если я...

Но случившийся тут же «плохой родитель», не дослушав сентенции, выдал автору гонорар в виде очередного тумака.

Надо отдать справедливость Сенегалову-старшему: считая тумачи и затрещины хотя и не модным, но зато быстродействующим и надежным средством искоренения дури, он не отвергал и других мер воспитания. Но на них требовалось больше времени, а его всегда не хватало.

И все же, когда Анатолий, прихрамывая и спотыкаясь, подбирался к десятому классу, отец улучил минутку и решил поговорить с ним по душам.

— Меня беспокоит твой багаж, Анатолий, твой духовный мир, так сказать. Ребята твоего возраста обязательно чем-нибудь увлекаются: спортом, шахматами. А ты ко всему равнодушен.

— На твоём месте я бы был даже доволен, — рассудительно сказал сын. — Я не алкоголик, не стилига, не... бонвиван какой-нибудь. Но у меня свои стремления. Я не хочу быть похожим на других и поэтому решил выбрать себе моральный облик, вернее, индивидуальность. Она должна быть оригинальной, самобытной.

Отец никогда не слышал, что можно выбрать себе индивидуальность по вкусу, как носки в магазине. Но время, отведенное для душевной беседы, истекло, и он только заметил:

— Ты и книг не читаешь. Я в твои годы ночи напролет зачитывался Майн-Ридом, Фенимо...

— Я читаю, но не такую чепуху, как ты, — перебил его сын и вытащил из стола комплект журнала «Развлечение».

Отец раскрыл один из них наудачу и наткнулся на соблазнительную картинку, изображающую полунагую дамочку с широкими бедрами и осиной талией.

— Не думай, не это меня волнует, — презрительно сказал сын. — В этом журнале есть такие стихи, которых ни одна собака не знает. Самое основное, что они не имеют никакого смысла... А вот еще сборничек. — Он извлек старую, пожелтевшую книжонку. — Чудные стишки! Вот, например, «Сон в лотосе» или «Ржавая модуляция». Ими всегда можно поразить, оглушить. Хочешь, прочту?

И он, слегка завывая, начал декламировать:

— «Ают оки. Эют юки.
Всплески? Блоски? Нет, мракеет.
Тени шастают тягуче,
Ночевает темь плакуче...»

Отец только плюнул и ушел, горько думая про себя, что он проглядел, как сын стал каким-то странным, нелепым существом. Но, будучи оптимистом, Сенегалов-старший все же надеялся, что дурь пройдет сама собой. А может, в институте товарищи выколотят.

Но дурь не прошла, и в институте Толя вел себя точно так же. Главным его развлечением было ставить в тупик профессоров вопросами, на которые не смог бы ответить даже целый сонм мудрецов всех времен и народов. Таков был Толин метод «развенчивания авторитетов».

— Видали? — сардонически улыбаясь, говорил он студентам во время перерыва. — Ни черта не смыслят! Ареопаги! Интересно, долго еще будет продолжаться эта болтовня о межпланетных сообщениях? Удивляюсь, за что только астрономам и астронавтам деньги платят. Не можете — не беритесь! По ихней милости так и помрем, не слетавши на Галактику. Что? Спутник? Так он же совсем маленький! Ну, что-то за размеры! Крохоборство!

Не лучшего мнения он был и о медицине:

— Самая древняя болезнь — мозоли, и те за тысячи лет не научились выводить. Так по милости этих эскулапов и помрем от чумы, брахицефалита или какой другой пакости. Только и умеют новые болезни открывать, как будто старых недостаточно! Кому это нужно, скажите на милость! И над бессмертием никто не трудится. Так и помрем, не узнав, какие бытовые условия будут на закате Вселенной!

— Ты невежда и демагог! — разоблачали его студенты. — Сам-то какую проблему думаешь разрешить?

Но Толя не хотел разоблачаться и ловко ускользал из ловушки.

— Кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево, — парировал он. — Жизнь дается человеку не часто, и я не намерен ее убивать на проблемы. Да и времени нет. Вот сегодня иду на капустник гиковцев. Завтра на день рождения приятеля приглашен. После-завтра у Тимки вечеринка по случаю развода. Не разорваться же!

— Пустоцвет! Ученых критикуешь, — не отставали сокурсники, — а что ты скажешь о профессоре Денюковиче, который сделал переворот в лечении сердечных болезней?

— Они мне тычут Денюковичем! — изумлялся Толя. — Подумаешь, авторитет! То, что он меня учит, а не я его, — чистая случайность. И почему я его должен уважать? Потому, что он старше? Выходит, свою бабушку я тоже должен уважать? Смешно.

И тут же, без передышки, Толя объявил, что его кредо — никаких авторитетов. Каждый сам себе авторитет. Нечего культивировать чужую личность, когда своя под носом.

Отчаявшись перевоспитать Толю своими средствами, сокурсники отправились к секретарю комсомольской организации.

— Не тревожьтесь, ребята, — сказал секретарь. — Что, вам больше делать нечего?

Ребята сказали, что делать есть что: сессия на носу.

— Вот и готовьтесь. А что касается Сенегалова, так он, во-первых, не комсомолец, а во-вторых, — ну, что может сделать один дурак? Плюньте. Подурит и перестанет.

Но Толя не переставал и продолжал отражать атаки товарищей. — Что вы мне газеты подсовываете? — удивлялся он. — Проживу и без политики. И без меня масса людей погрязла в вопросах мира и войны. А я по стандарту жить не желаю. «Хочу быть цветком оригинальным, неповторимым...» Еще Ницше сказал, что...

— Олух ты неповторимый, а не цветок! — выйдя из терпения, сказали студенты. — И Ницше твой — мракобес. Да ты его и не читал, просто фасон давишь. Строишь из себя какого-то самобытного сверхчеловека. Вот потому у тебя и друзей нет.

— Друзей не надо, а последователи найдутся, — величественно изрек Сенегалов-младший.

И действительно, с недавних пор за новоявленным мессией стал ходить по пятам молодой студент Леша Туликин. Он с явным удовольствием слушал непонятные слова и мудреные изречения и, не научившись еще самостоятельно стряпать афоризмы, начал петь с Толиного голоса, что, мол, жизнь дается один раз, а потому, дескать, пошли в коктейль-холл.

— Ерунда! — сказал, услышав об этом отпозновании, секретарь комсомольской организации. — Ну, что могут сделать два дурака? Поболтают и перестанут... Да, ребята, чуть не забыл. В пятницу лекция о моральном облике молодого человека. Приходите обязательно.

Месца через два мы видели Толю на бульваре в окружении стайки юнцов. Развалившись на скамье, он вкряк и вкось толковал о том, какая разница между эпикуреизмом и гедонизмом. Осветив этот вопрос в объеме словаря иностранных слов, Толя перешел к электронным механизмам и при этом ни к селу ни к городу поминал «кабернетику».

Потом мы потеряли Толю из виду. Но вот совсем недавно встретили секретаря комсомольской организации. Того самого. На вопрос, что стало с Сенегаловым, он, облегченно вздохнув, ответил: — Теперь все в порядке. Избавились от голубчика. Перешел в другой институт... Да, испортили его родители.

Мать же Толи была диаметрально противоположного мнения:

— Это его товарищи да учителя с толку сбили. Сначала двойка-ми травмировали, потом придирками довели до точки... Ну, теперь, слава богу, он в другом коллективе. Может, исправится.

В глазах ее светилась детская вера.

О ПОЛЕЗНОМ СОВЕТЕ И ВРЕДНОЙ АМБИЦИИ

прошлую субботу наши активисты познакомились с фото-выставкой Крокодила. На крокодильских пейзажах были запечатлены машины, ржавеющие под снегом, новостройки, справляющие многолетние строительные юбилеи, городские скверы, вырубленные топором головоуловы, и многие другие, не менее печальные сюжеты.

Активисты молча рассматривали эти грустные свидетельства разгильдяйства и глупости, изредка роняя нелестные замечания в адрес головоулов и разинь.

Вдруг раздался голос журналиста Новокшнонова из далекого Тегульдетского района, Томской области:

— А меня, братцы, эти снимки никак не впечатляют!

— Верно! — подтвердили его коллеги Поминов и Могучев. — Мы можем показать вам кое-что похлестче.

И они показали фотографию домостроительного предприятия в поселке Бобровка.

— Что же в этом снимке криминального? — удивились присутствующие.

— А что, по-вашему, на нем изображено?

Посыпались догадки:

— Типовой свинарник!

— Крупорушка!

— Лесопилка!

— Вы не угадали, — сказал Новокшнонов. — Это ДСП.

— Домостроительное предприятие, — расшифровал Могучев. — По мысли авторов, оно должно выпускать сборные щитовые дома.

— Щитовые дома — это хорошо, — заметил Крокодил. — Их так ждут на целине! Вас можно только поздравить с новым предприятием!

— Нас можно поздравить только с новым рекордом головоуловства, — мрачно отозвался Поминов.

И три журналиста, перебивая друг друга, взволнованно поведали такую историю:

«В самой глуши Причудымской тайги на территории Тегульдетского лесспромхоза комбинат «Томлес» решил построить ДСП.

— Не делайте этого, — предупреждали рабочие. — Подумайте о сырьевой базе. Здешний лес сейчас непригоден для домостроительства.

— Мы сами с усами, — отмахивались от рабочих руководители «Томлеса». — Как-нибудь обойдемся без ваших периферийных советов.

И, удивительное дело, комбинат, который никогда не отличался особой прытью, на этот раз показал чудеса оперативности. За год с небольшим предприятие было сооружено. Комбинатское начальство хвасталось родным и знакомым, а также в местной печати и по радио своими строительными достижениями и клялось завалить заказчиков сборно-щитовыми домами. Но, к сожалению, их клятвам не суждено было сбыться. Рабочие оказались правы: новое предприятие не имело сырьевой базы. Рекламная шумиха стихла, и наступила длительная и неловкая производственная пауза. Потом завод начали потихоньку демонтировать. Были отгружены два локомотива, ценнейший древошерстный станок и другое оборудование.

Короче говоря, завод стоимостью в три с половиной миллиона рублей, не выпустив ни на один рубль продукции, перестал существовать».

Когда рассказчики закончили свое повествование, Крокодил сказал:

— Я полагаю, что эту историю следует включить в нашу Пеструю летопись. Пусть над ней призадумаются те хозяйственники, которые не любят прислушиваться к голосам и советам рядовых работников. Пусть они воочию увидят, до чего могут довести зазнайство, несокрушимый апломб, глупая амбиция, а также вредная уверенность в собственной административно-хозяйственной непогрешимости.

Так эта история была включена в Пеструю летопись, и крокодильские активисты разошлись по домам, чтобы встретиться в следующую субботу.

Пимен ВТОРОЙ

Морская болезнь

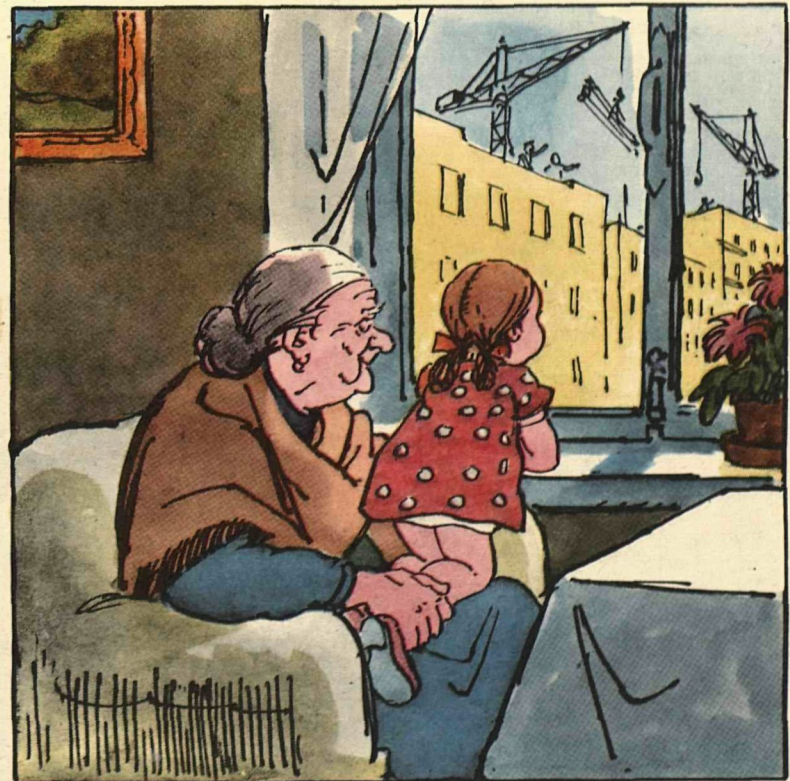
Все те, кто от яркого солнца не сплещет, Наверное, летом заметить могли: Морская болезнь киностудии треплет, Особенно те, что от моря вдали. С приходом весны начинается качка, Волнуя отделы, где в горах и пачках Недвижно лежат сценаристов труды, Поскольку в сюжетах немало воды. И тут, как назло, выясняется точно, Что прежние выводы были порочны, Что нынче в подходе другая система, Что водная тема есть модная тема, Что ждет в кинозалах и жаждет народ: «Вечерние склянки» и «Море зовет»... Вся студия ищет сюжеты такие, В которых бушует морская стихия. А если по тексту сплошные пески — Немедленно вводят «морские куски». Потом создается «приморская группа», И средства на группу отводят не скупо!

А море зовет неустанно, и вскоре Мы группу встречаем у синего моря, Где алы закаты, туманны восходы, Где ждет оператор у моря погоды, Где штат и сверхштатные дяди и тети С утра ежедневно горят на работе. И, глядя на их почерневшее тело, Все видят, что суточных много сгорело. Дела же у группы идут не блестяще: Стихия бастует — спокойна, как спящий, Но «в сердце героя, — указано, — буря!» А море давно уже брови не хмурит. Тогда к павильону уводят следы. И делают бурю... в стакане воды.

Работе конец, но не все мы сказали, Трагедия повести только в финале, Когда коллектив, изомлев от тоски, На суд Худсовета увозит «куски». И тут, как назло, выясняется точно, Что к фильму подход оказался порочным: Волну не приткнуть ни туда, ни сюда, Что здесь и без моря сплошная вода. Поэтому нужно немедля, не споря, Из фильма безжалостно вырезать море, Оставить в сюжете нарзана стакан, И эта картина увидит экран!

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

В ЮГО-ЗАПАДНОМ РАЙОНЕ СТОЛИЦЫ

— Бабушка! Как у нас быстро дома строят, я за свою жизнь такое впервые вижу!
— И я тоже.

НАЕМНЫЕ ПЕССИМИСТЫ

Любопытный фельетон встретился недавно на страницах английского юмористического журнала «Панч». Фельетон этот высмеивает человека, который надоел всем и вся разговорами о советских «коммунистических заговорах».

Вот герой фельетона идет на гастроли русского балета. Он видит в зрительном зале телевизионные камеры. Наклонившись к соседу по креслу, он шепчет о своей догадке. Знарок советских заговоров уверяет, что это пушки, выставленные для защиты от русских.

Вот этот герой встречается человека, недавно вернувшегося из СССР. Путешественник читает теперь лекции о советской медицине. Разоблачитель мигом объявляет лектора агентом красных и уверяет, будто путешественник вывез из СССР сведения о страшных ядах, которые вырабатывают русские.

Те, кто на сороковом году существования Советской власти пытается дикими выдумками дискредитировать советские достижения, и в самом деле становятся посмешищем. И в очень неловкое положение ставят себя люди, которые, напугавшись наших побед, прибегают к помощи наемных пессимистов.

Весь мир восторженно приветствует создание искусственного спутника Земли. Но вот среди гро-

ма восторженных отзывов слышен тонкий гнусавый писк. Это работают наемные пессимисты. В их числе встречаются и особы чиновные. Сенатор Генри Джексон, возглавляющий подкомиссию по вопросам военного применения атомной энергии, поспешил, например, заявить, что запуск искусственного спутника «усилит холодную войну с Советским Союзом». Человечество ликует, радуясь великому завоеванию науки и понимая, что оно служит делу мира. А у сенатора Джексона одна забота: нельзя ли подогреть посылней холодной войну, чтобы она стала горячей?

Отменное усердие проявил наемный пессимист от журналистики — редактор газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» по научным вопросам Юбелл. Он раздумывает в своей газете, как бы сбить спутника. Чтобы он не смел летать вокруг Земли и смущать умы достижениями социалистической системы. Юбелл уверяет, что спутника следовало бы сшибить, придравшись к тому, что он нарушает якобы воздушное пространство США. И тут же охотник за спутником тяжело вздыхает: кишка тонка. Он с грустью пишет: «Подобное действие маловероятно».

Американский адмирал Беннет, как известно, уверял, что спутник — просто кусок железа, какой каждый может забросить. При этом Беннет добавил, что при

своим весе спутник вообще ни подняться, ни летать не может. Не имеет права!

Один мудрец говорил, что усердие все превозмогает, иногда оно превозмогает и рассудок. Впрочем, трудно в чем-нибудь упрекнуть адмирала Беннета. Каждый размышляет так, как позволяют ему его умственные ресурсы.

Спутник, коего сердитый Беннет считает неспособным к полету, летает вокруг планеты на виду у всего мира, не спрашивая адмирального согласия. И вес его никак не подвергается сомнению. Зато вес авторитета Беннета, Юбелла и подобных им злопыхателей заметно падает после каждого их нового бредового заявления.

Несколько веков тому назад такие, как Беннет и Юбелл, называли ересь и бесовской пропагандой утверждение о том, что Земля вертится.

А она все-таки вертится, вопреки желаниям мракобесов. И самое неприятное для беннетов и юбеллов то, что вокруг нее вертится искусственный спутник — создание советских людей.

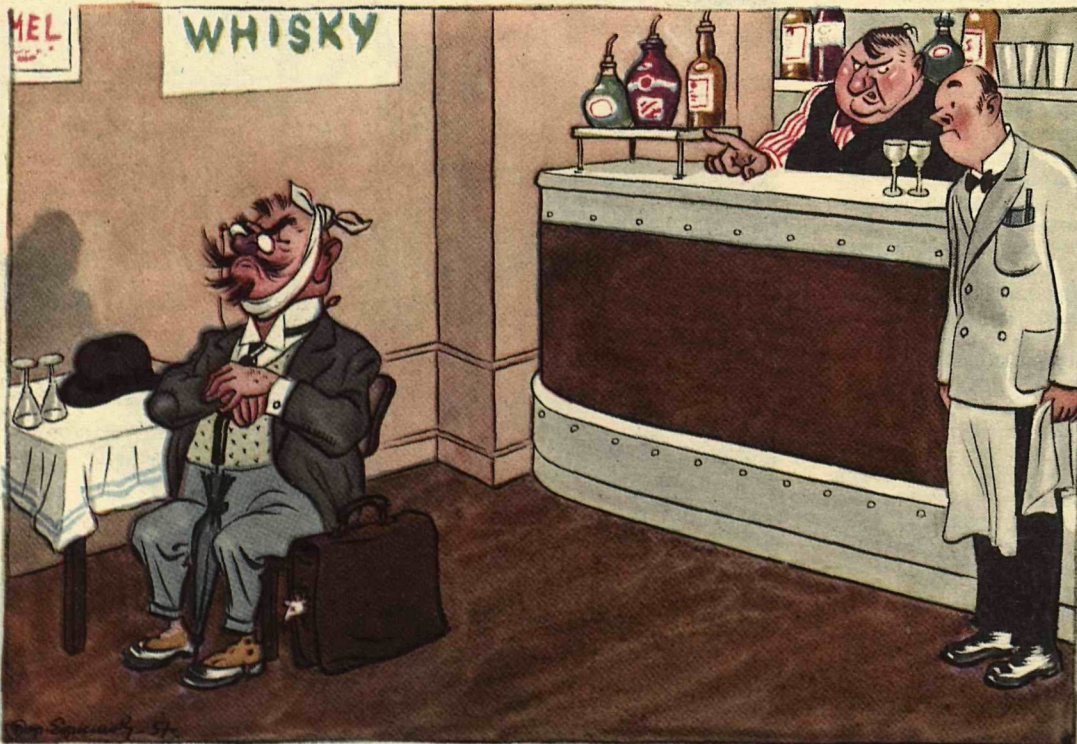
Наемные пессимисты стараются, как только могут: лают и воют на «малютку-луну», но все тщетно: остановить ее для них так же затруднительно, как прекратить движение Земли.

Юр. ЧАПЛЫГИН

ТЕРПЕНИЕ ЛОПНУЛО

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

— Больше ему в кредит не отпускайте. Уже сорок лет он обещает, что по возвращении в Россию мне за все заплатит...

С ЕГО ТОЧ

— Советский Союз вызывает на мирное соревнование

Во Франции за послевоенные годы сменилось 24 правительства.

Новый французский кабинет м своих обязанностей.

СИРИЯ

(Крайне необходимая справка)

Общие сведения

Сирия — государство, расположенное в Передней Азии и совершенно не расположенное очутиться в передней мистера Даллеса.

Границы

Сведения о том, что Сирия граничит с Турцией, Ираком, Иорданией, Израилем и Ливаном, давно устарели, если судить об этом по некоторым американским справочникам.

Основываясь на тех же справочниках, надо со всей категоричностью заявить, что с недавнего времени Сирия начала граничить с Соединенными Штатами Америки.

Она не только граничит, но пускается на всяческие военные провокации, пытается проглотить Америку. А кто утверждает обратное, тот занимается коммунистической пропагандой и является подрывным элементом.

Из тех же авторитетных американских источников вскоре станет известно, что сирийский морской флот подошел к берегам США и угрожает доктрине Даллеса — Эйзенхауэра и другим таким же человеколюбивым мероприятиям.

Более того, по прямому приказу Сирии послушные турецкие власти сконцентрировали свои войска на подступах к Вашингтону, Нью-Йорку, «Нью-Йорк геральд трибюну», «Нью-Йорк таймсу» и прочим американским цитаделям и крепостям. Эти войска ждут приказа из агрессивного Дамаска, чтоб

напасть на маленькие миролюбивые Соединенные Штаты, где обнаружены нефтяные источники, на которые и зарится Сирия.

Моря и океаны

До последнего времени учебники географии утверждали, что на западе Сирия омывается Средиземным морем. Сейчас с Запада пошли другие течения, вроде североатлантического, сокращенно именуемого НАТО.

Но старая сирийская поговорка, касаясь НАТО, говорит: «На то щука в море, чтоб араб не дремал». Араб и не думает дремать. Он гонит от себя тот дурной сон, который по-американски называется гендер-сон.

Климат

Климат в Сирии субтропический, антиимпериалистический. Много своего, независимого солнца. Но недавно над страной начали скапливаться грозовые тучи. На каждой туче — этикетка «Made in USA» («Сделано в США»).

Судя по докладам некоторых эмиссаров госдепартамента, температура воздуха в соседних с Сирией арабских странах резко снизилась. Вышеупомянутые эмиссары почувствовали сильный холод и в Ираке, и в Ливане, и в Иордании.

Растительность

Кроме финиковых пальм, вечнозеленых дубов и алеппских сосен, здесь с каждым

днем все сильнее растет неуязвимая ненависть к империалистам, агрессорам, колонизаторам.

Животный мир

В лесах Сирии много хищников: полосатые гиены, шакалы, каракалы и т. д.

Сейчас кое-кто принимает меры к тому, чтоб в Сирию вторглись и другие, более опасные стаи хищников. Этим вопросом усиленно заняты высококвалифицированные заокеанские специалисты: американский посол в Анкаре Уоррен, глава американской военной миссии в Турции генерал Мид, американский военный атташе в Анкаре Халфорд и другие звероводы.

Как известно, население Сирии отнюдь не собирается встретить непрошенных гостей плакатами «Добро пожаловать!» и «Селям алейкум!».

Почва

В Сирии разные почвы: бурые почвы, сероземы, желтоземы, красноземы.

Но все сирийские почвы имеют одно свойство: они не подходят для агрессоров, для империалистов, для колонизаторов.

Для них здесь весьма зыбкая почва, где легко увязнуть по горло.

Короче говоря, здесь они могут очутиться в том положении, которое арабы обозначают одним кратким и выразительным словом:

— Каюк!

Г. РЫКЛИН

КИ ЗРЕНИЯ
юще держится, он нас вызы-

Рисунок Бор. ЛЕО.

министров приступил к исполнению

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО. ОЧЕРЕДНАЯ СДЕЛКА БИЗНЕСМЕНОВ

— Вы хотите получить дипломатический пост? Пожалуйста, мне это ничего не стоит...

— А что будет стоять мне?

— Новая турецкая смена пришла, жди новых провокаций...

Новоявленный ГЕРОЙ

Подвиг Жанны д'Арк, спасительницы Орлеана, несколько веков сиявший над Францией, ныне, очевидно, померкнет. Померкнет он в блеске аналогичного, но более грандиозного подвига.

Случилось так, что новое великое деяние едва не кануло в вечность, погребенное под обломками событий и прахом времени. Но, хвала боннской газете «Генераль-анцейгер», подвиг был извлечен из небытия и доведен до сведения мировой общественности в статье «Германский генерал спас в 1944 году Париж».

А виноват во всем сам герой, бывший гитлеровский генерал фон Хольтиц. Это он тринадцать лет молчал (помалкивал, если угодно) и лишь недавно решился поступиться своей врожденной скромностью. На обеде, устроенном германо-французским кружком в Дюссельдорфе, он застенчиво признал, что в 1944 году, будучи комендантом оккупированного Парижа, «спас» город от уничтожения, не выполнив «безумный приказ Гитлера о разрушении».

Мраком и ужасом фашистской оккупации веет от этих слов гитлеровского заплечных дел мастера. Да, над прекрасным, вечно юным Парижем висела тогда смертельная опасность. Его ждала участь многих городов Европы, превращенных гитлеровцами в руины. Но французские патриоты, герои-партизаны, не дали врагам разрушить любимый Париж. Это в смертельном страхе перед ними Хольтицу пришлось «спасти» город. И вот теперь, через тринадцать лет, он считает уместным жаловаться по поводу «кровавой... ничем не оправданной французской партизанской войны».

Как сообщает в своем отчете «Генераль-анцейгер», присутствовавшие на дюссельдорфском обеде «французские гости» «вежливо и без возражений выслушали критические замечания немецкого генерала».

Почему же никто не возмущился, не трахнул кулаком по столу? Неужели помешало хорошее воспитание? Не в этом дело. «Французских гостей» возглавлял маршал Жюэн, состоящий ныне волей организаторов НАТО под командой бывшего гитлеровца Шпейделя. Старый служака Жюэн, разумеется, никогда не посмеет нарушить субординацию и сказать что-либо неприятное для слуха своего патрона. Поэтому-то маршал и ограничился тем, что, как пишет газета, «еще раз выразил благодарность французам за спасительный подвиг немецкого генерала».

Спасительницу Орлеана предатели Франции, как известно, отдали в руки врагов, и она, оплакиваемая народом, погибла на костре.

«Спасителю» Парижа предатели интересов мира помогли избежать вполне заслуженной веревочной петли. А теперь угодливые предатели интересов французского народа готовы признать его героем-спасителем.

Это и есть «солидарность в рамках НАТО»!

В. КУКАНОВ

Чьими глазами?

Представьте себе: у вас прекрасное настроение, вам хочется от души посмеяться. Вы, наверно, пошли бы в цирк или на эстрадную программу. А может быть, достали бы с полки любимую книгу — Чехова или Марка Твена в стершемся от частого пользования переплете. Или отправились бы к приятелю, чтобы еще раз вспомнить о какой-нибудь старой истории, которая всякий раз вызывает у вас улыбку.

Можем вам назвать еще одно веселое местечко. Правда, оно далеко, но зато и посмеяться можно там вдоволь. Находится оно в городе Нью-Йорке, и название ему «Конгресс лучшей жизни» (правда, неплохо?). Руководители «Конгресса лучшей жизни» решили устроить пресс-конференцию для выступления одной весьма известной дамы, которая недавно прибыла из Советского Союза и, по слухам, привезла с собой необыкновенные наблюдения и открытия. Причем самое удивительное то, что никаких специальных технических приспособлений, кроме обыкновенной самопишущей ручки и дорожного блокнота, ей не потребовалось.

Госпожа оказалась на редкость наблюдательной особой. Ей удалось за три недели своего пребывания в нашей стране разглядеть то, чего никто не видел. Вот вы, наверно, несколько раз в день ходите по своему городу и не замечаете, что на улицах нет ни одного (ни единого!) хорошо одетого человека. Все равно: мужчина ли, женщина... А вот наша дама заметила. Мало того, приехала домой и тут же всем об этом поведала.

Однако не это еще самое смешное. Оказывается, в Советском Союзе никто не... смеется. Да-да! Нигде не слышно смеха. Может быть, вы и слышали, а наша путешественница не слышала. И все тут! Она вообще не видела, чтобы кто-нибудь смеялся. В течение трех недель в России, оказывается, никто даже не улыбнулся. Ни в Москве, ни в других городах, даже на юге, куда советские люди устремляются на отдых.

Кругом были одни сосредоточенные лица. Наблюдательная дама при этом сказала: «У меня было такое чувство, словно русские продали свои души за небольшую экономическую обеспеченность». «За чечевичную похлебку», — добавила она, выступая по американскому радио.

Вот, оказывается, где собака зарыта!

Как не подивиться такому поистине выдающемуся «открытию»! Вот вы, к примеру, трудитесь, отдыхаете, веселитесь и не замечаете, что души-то у вас и нет. Продана она, точно у доктора Фауста. Не правда ли, смешно?

Нет, не смешно! Мы давно уже перестали удивляться такой форме близорукости по-американски. Где уж им заметить человеческую душу, когда американские конгрессмены не замечают целую огромную страну, оспаривая её законные права!

В конце концов речь сейчас идет не о том, что некая дама в силу какого-то странного дефекта зрения не заметила улыбок в нашей стране. И не о том, что она не услышит громкого смеха советских людей, узнавших о содержании ее выступления на пресс-конференции в Нью-Йорке. Но нам невольно вспоминается книга, написанная Эллиотом Рузвельтом и посвященная его отцу — Франклину Рузвельту. Эта книга была озаглавлена «Его глазами». Советский читатель хорошо помнит, как выдающийся государственный деятель Соединенных Штатов внимательно и объективно наблюдал жизнь нашей страны. Вне всякого сомнения, то были глаза умного и честного человека. И самое грустное в этой маленькой истории то, что «наблюдательную» даму зовут Элеонора Рузвельт, а покойный президент США был ее супругом.

Чьими же глазами наблюдала советскую действительность эта дама-путешественница?

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Записки Ляпсуса

Коротко о себе

...Имел недавно случай убедиться, как велик мой авторитет. Издавали в «Советском писателе» роман Г. Шошмина «Возвращение в жизнь». И туда я вписал собственной рукой такую художественную деталь, что, дескать, в тумане не был виден шпиль Казанского собора. Вписал и беспокоюсь. Издательство-то помещается аккуратно напротив собора. Вдруг подойдут к окошку и увидят, что не только в тумане, но и в самую ясную погоду не заметно на Казанском соборе шпиля.

И что же вы думаете? Подойти к окну — подошли. Погодой любовались. А поправлять меня насчет шпиля не стали. Уважают старика Ляпсуса, ценят...

...Обратился ко мне В. Днепров и поделился своим горем.

— Понимаешь, братец, — сказал он, — пишу ответственную статью для восьмого номера «Звезды», но все как-то очень уж учено выходит. Ну, скажи, можно ли что-нибудь понять вот в таком месте? — И он прочитал мне: — «Мы смотрим сквозь этот образ, как сквозь прозрачно-нейтральную среду, ибо смесь писательского изображения с изображением писателя почти полностью ликвидирует активность авторской личности по отношению к художественному материалу».

— Нет, — сказал я, — тут ничего нельзя понять. Только за-

Я тот, кого никто не любит, но без кого никак не обойтись иному литератору. Я универсален. Сотрудничаю и с кандидатом наук, и с поэтом, и с прозаиком. Берусь и за редактуру.

чем огорчаться? Чем непонятнее, тем оно больше почтения у редактора вызовет. Так что мой совет — продолжать в том же духе. Но все-таки для оживления подскажу несколько красочных выражений.

И ученый автор записал под мою диктовку:

«Мы следили за жизнью Наташи Ростовской, как бы находясь в глазу Толстого...»

«...Мы постоянно находимся в оптическом поле Клима Самгина».

Тут я с удовлетворением при-совокупил:

— Ишь, как оригинально выходит: не только мы Клима, но и Клима нас видит, поскольку мы в его оптическом поле...

Ну и — ударяясь уж в оптику и механику — продиктовал еще:

Фактически являюсь соавтором ряда авторов. Хотя мое имя не ставят на титульных листах и гонорара мне не выписывают. Конечно, бог с ними, со славой и с деньгами. А все-таки жаль оставаться в полной безвестности. Я и решил вести записки, заносить в особую тетрадку каждый день перед сном хоть что-нибудь из своей разносторонней и требующей недюжинных способностей деятельности. Авось, когда-нибудь кому-нибудь на что-нибудь пригодится.

«Эстетика модернистского вкуса тесно связана с порчей той самой отражающей камеры сознания художника, в которой появляется и перерабатывается движущийся образ мира».

— Погоди, Ляпсус, — удивился В. Днепров, — а не загнул ли ты? Не получится ли, что у художника, по-нашему, вместо головы камера-обскура, как в старину говорили?

— Положитесь на меня — еще благодарить будете, — с достоинством возразил я.

И действительно, вскоре уже читал я все это в печати.

...Частенько советуются со мной поэты. Их дело особенно трудное. Подумать только, все должно быть в рифму! Пишет,

к примеру, Л. Мартынов стихотворение «Птенец голубки». Написал про птенца: «Он ростом был не больше пули». И задумался. Никак рифму не найти. Тогда я пришел на помощь. Не сразу мне это далось. Пыхтел я, пыхтел и вдруг решил действовать на чистом вдохновении, без здравого смысла и подсказал:

«Он ростом был не больше пули, которая осталась в дуле».

Правда, если по здравому смыслу, пуля разве может в дуле остаться? Но представьте, всем понравилось. Очень, говорят, своеобразно. В «Новом мире» напечатали, в № 9.

...А другой раз выручил я А. Клеценко. Сочинял он стихи из своей охотничьей жизни, чтобы в апреле в «Звезде» поместить. И захотелось ему сказать, что его хозяйство, дескать, состоит из двустволки. Но сказать-то ведь надо так, чтобы размер соблюсти. Измаялся, бедный! Скажет: «Мое хозяйство — два ствола» — недобор, слишком короткая строчка выходит. Скажет: «Мое хозяйство — два нарезных ствола» — перебор, слишком длинная строчка получается. Кто выручил? Никто, как я. Диктую:

— «Мое хозяйство — два витых ствола». — И на всякий случай совету: — Если кто потом придерется, скажи: перепутал, мол, ружье со штыпором. Оно в охотничьем деле под горячую руку бывает.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

И ТАК БЫВАЕТ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА: — Сломать, что ли, этот сарай или молодежи под клуб отдать!

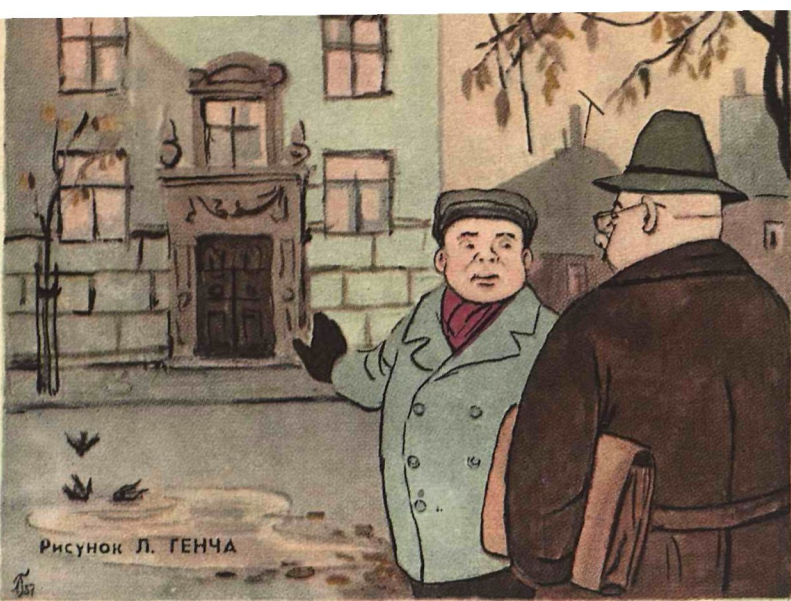

Рисунок Л. ГЕНЧА

— Ну как, дом готов!
— Почти. Осталось только заколотить парадную дверь.

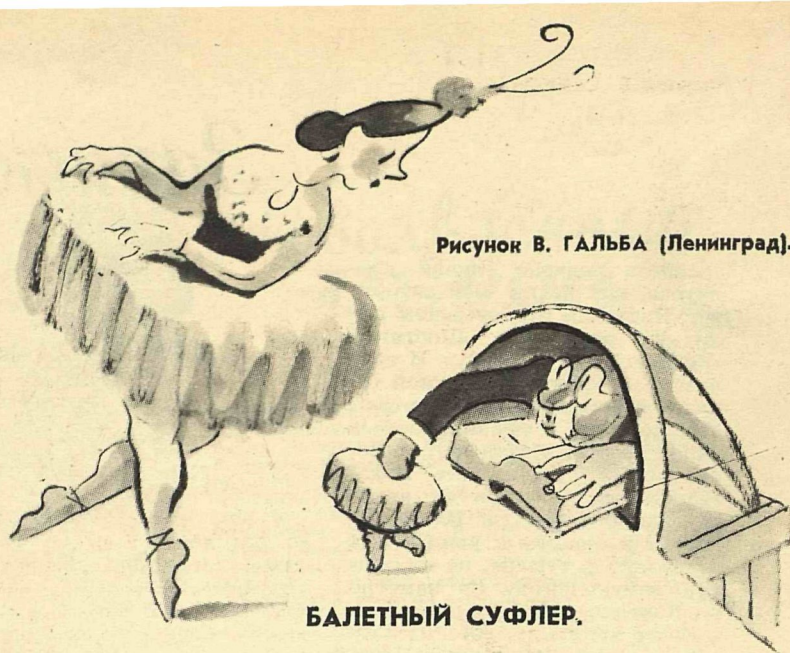

Рисунок В. ГАЛЬБА (Ленинград).

БАЛЕТНЫЙ СУФЛЕР.

ЛЮДИ С ПОВЫШЕННЫМИ ЗАПРОСАМИ

РЕПОРТАЖ КРОКОДИЛА

Вит. АЛЕНИН
Фото Л. Емельянова.

Мы не знаем фамилий и адресов родственников Хидыра Аманмурадова, живущих в далекой Туркмении. Тем не менее мы должны огорчить их: с Хидыром, студентом четвертого курса Московского экономико-статистического института, произошла серьезная неприятность. Он попал под...

— Какое несчастье! Наш Хидыр попал под машину! — воскликнут родные и близкие Аманмурадова, прочитав эти строки. — Жив ли он, наш бедный мальчик?

Не волнуйтесь, товарищи родственники! Ваш Хидыр жив и невредим. Вот он на первом снимке. И попал он не под машину, а под... Указ об ответственности за мелкую спекуляцию. Студент Аманмурадов был задержан у магазина в Столешниковом переулке в момент продажи им по спекулятивной цене каракулевой шкурки...

Аналогичная неприятность произошла и с Валерием Горовым: под этим именем он фигурирует в официальных документах. Любящие родители именуют сына нежнее: Лериком, — а соседские ребята метко прозвали его Спекулериком.

Спекулерик Горовой живет в Подмосковье. Тем не менее в Москве он частый гость. Особенно с началом театрального сезона. В его лице богиня сцены Мельпомена приобрела преданного, хотя и далеко не бескорыстного поклонника. В день театральной премьеры, когда на кассах вывешены аншлаги, вы обязательно встретите Спекулерика... Нет, не в зрительном зале, а у подъезда театра. Здесь, воровато оглядываясь, он сделает вам таинственный

знак, уведет в ближайшие ворота и предложит любое количество билетов по головокружительным ценам...

Но, как известно, искусство требует жертв. И вот Спекулерик находится в отделении милиции. В зеленой шляпе и кашне невообразимой расцветки, он развязно отвечает на вопросы.

— Чем вы занимаетесь? Учитесь?

— Учитесь? Мне? Помилуйте, мне уже девятнадцать лет... Поздновато!..

— Значит, работаете?

— Работать? Мне? Помилуйте, мне еще девятнадцать лет... Рановато!..

Предприимчивость подсказала Горовому выход из столь сложной возрастной ситуации: он стал... Спекулериком.

Николай Афанасьевич Прошкин тоже не представляет себе жизни вне искусства и, в частности, вне литературы. Он настолько высоко ценит книги, что продает их около столичных магазинов значительно выше их нарицательной стоимости. Вот и сегодня он оценил книгу К. Чуковского «От двух до пяти» в 25 рублей вместо 7 рублей 35 копеек по номиналу.

— Вот оно как получается, — задумчиво говорит Прошкину лейтенант милиции, заканчивая составление протокола, — было у вас «От двух до пяти», а будет от трех до пятнадцати... суток, конечно.

Прошкин опечален... Перспектива, нарисованная лейтенантом, его не радует.

Зато Александр Флешин, с которым нас познакомили в 50-м отделении милиции г. Москвы, чувствует себя прекрасно (второй снимок). Здесь он знает всех и все знают его. Флешин — москвич, живет в Брюсовском переулке. Известен в административных и судебно-прокурорских кругах как большой книголюб и человек с по-

вышенными запросами. Настолько повышенными, что умудрился запросить 40 рублей за несколько книжонок общей стоимостью в 13 рублей.

— Слушайте, Флешин, когда вы перестанете спекулировать книгами?

— Кто? Я? — оскорбляется Флешин. — Но за последний год я не продал ни одной книги...

Флешин говорит правду. Действительно, последнее время он не занимался перепродажей книг по той причине, что... отбывал наказание за спекуляцию книгами. Зато теперь он с новой энергией взялся за старые дела.

Не менее оптимистична по натуре и Александра Федоровна Прасова (третий снимок). Ничто не может испортить ей настроения: ни семь приводов, ни судимость за спекуляцию, которые она имела. Так и в этот раз, направляясь в ГУМ, чтобы продать там с рук по спекулятивной цене дамскую шерстяную кофточку, Прасова весело мурлыкала под нос:

«Что день грядущий мне готовит?».

Однако «грядущий день» обманул радужные надежды Прасовой. Он «приготовил» ей десять других дней, которые Александра Федоровна вынуждена провести не там и не так, где бы и как бы ей хотелось.

...Вернемся к книге К. Чуковского «От двух до пяти». Мы хотим продолжить забавные примеры детского словотворчества, о которых она повествует, и попытаться с тех же позиций охарактеризовать героев нашего фельетона. Эти дяди и тети все время что-то обходят и через что-то проходят. Сначала они обходят закон, потом проходят через милицию, проходят через суд, тюрьму.

— Если они только и делают, что проходят, — скажет смущенное дитя, — значит, они... проходимцы!

Ну что в данном случае можно возразить ребенку?

ЗАВИСТЬ ВЫПУСКНИКА ДИМЫ ДОМОСЕДОВА
— Позавидуешь кубку: он из Москвы не уезжает.

— Сколько вырвал!
— 100 рублей...

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСОЛАХ

Среди рыбаков, промышляющих на Волге, распространился слух: вода в реке с недавних пор стала ужасно соленая. Такая соленая, что рыба, выловленная сетями, нисколько не уступает сельди, купленной в магазине.

Насколько этот слух правдив, судить трудно. Но что волжскую водичку подсаливали, — это факт.

Видите ли, работники Волжского объединенного речного пароходства всегда в душе считали себя моряками. Но истинный моряк без соленой морской воды — что пароход без паровой машины. Поэтому речники терпеть не могли пресную воду в Волге. И когда случилось, что баржа № 1091, груженная 2 600 тоннами соли, повредила у Городца днище, они к этой катастрофе отнеслись очень своеобразно.

Капитан буксира «Академик Лысенко» тов. Мельников и шкипер баржи тов. Ерофеев, не зная, что их начальство равнодушно к соленой воде, стремились как можно скорее добраться до Кинешмы и стать под разгрузку.

Но в Кинешме даже и слушать не захотели о разгрузке баржи. — И не мечтайте! — сказал старший диспетчер движения Кинешемского порта тов. Чистов. — Взяться солить Волгу, так уж солите до самого Углича, куда вам следует доставить груз. Вот вам приказ начальника службы эксплуатации тов. Костерина, отваливайте с богом!

Пришлось отваливать. Позади остались Кострома, Ярославль и... сотни тонн соли. Оставляя за собой соленый след, флотилия прибыла в Щербаковский порт.

Работники Волжского объединенного речного пароходства торжествовали. Они, как говорится, одним выстрелом двух зайцев убили: и воду подсолили и поврежденную баржу сбывли соседу, а именно Московскому речному пароходству.

Кажется, на этом можно было бы и поставить точку. Но и в Щербаковском порту дело не обошлось без запятой. Работники порта, узнав, что поврежденная баржа не их пароходства, не спешили заняться ею. Лишь спустя трое суток почти порожнюю баржу поставили под разгрузку.

В народе говорят, что недосол на столе, а пересол на спине. Все виновники этой истории с пересолом старательно прячут свои спины.

Дм. МОЗЖУХИН

г. Щербаков.

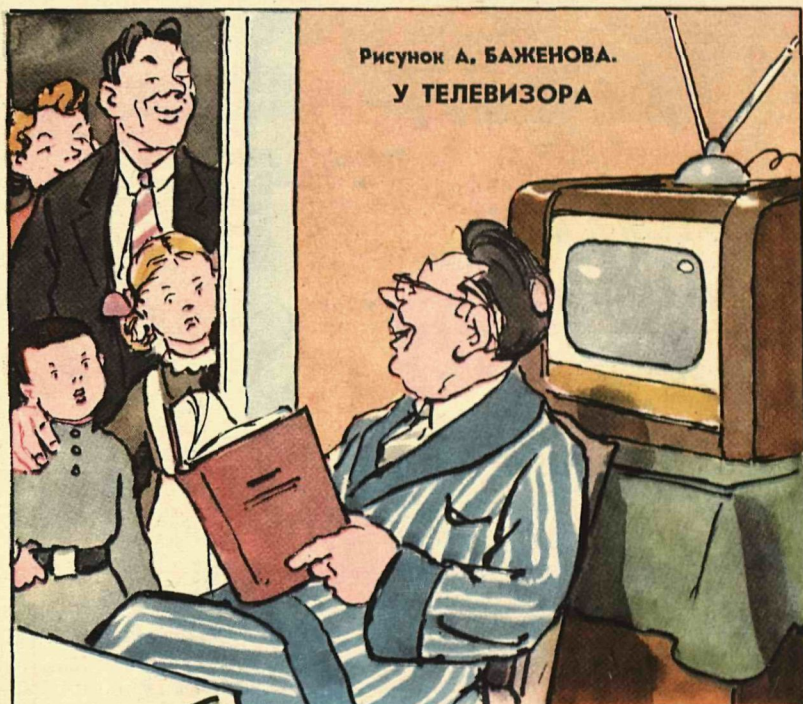

Рисунок А. БАЖЕНОВА.
У ТЕЛЕВИЗОРА

— Какой сегодня кинофильм!
— «Сорок первый» в сорок второй раз...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Гражданин, здесь спать не положено.
— А я сторож...

Аврал в тресте «Невыпрыбплан».

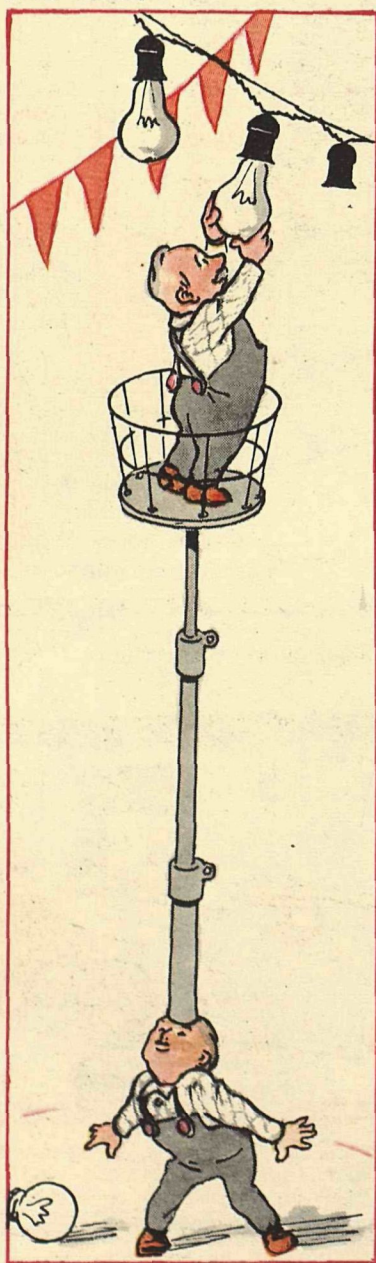
Борис КОТЛЯРОВ

Божественная комедия

И когда наш Петр
Успокоится?
Он на пасху пьет
И на троицу,
Пьет на мучениц,
На угодников...
А работник был
Из работников.
Говорят дружки:
«Не довольно ль?
И давно ль ты стал
Богомольным?»
Он дружкам шепнул:
«Знаю меру я!..
А в богов совсем
Я не верую!
Но представьте-ка,
Что сказал бы всяк,
Если водку я
Пил бы просто так —
Без торжественного
Песнопения,
Без божественного
Оформления?
Сразу б вызвали
На собрание,
Сразу б вынесли
Порицание.
И прослыл бы я
Просто пьяницей!..
А теперь со мной
Так не станется:
И подход иной,
Если верую:
Мы же темные,
Мы же серые.
Говорить со мной
По возможности
Надо с чуткостью,
С осторожностью!
Подойдут ко мне,
Побеседуют...
Я подход ценю
И не сетую...
Так понятно вам,
Братцы-братники,
Для чего нужны
Божьи праздники?»

г. Харьков.

Рисунок К. НЕВЛЕРА
и М. УШАЦА.

ПОДГОТОВКА
К ПРАЗДНИКУ В ЦИРКЕ.

ВИЛЫ В БОК

АСТРАХАНСКИЕ КАРТИНКИ

В пяти минутах ходьбы от Астраханского горисполкома можно наблюдать примечательное и живописное явление. После очередного дождя улицы Бабушкина и Шаумяна превращаются в широкие водные магистрали. Как весело резвится на них домашняя водоплавающая птица, вырвавшаяся на приволье из тесных дворов! Как деловито скользит по лону вод всамделишная лодка, на которой какой-нибудь почтенный глава семейства после трудового дня держит путь к полузатопленному подъезду своего дома!

А чуть поодаль, за углом, шумит жаркий диалог:
— Товарищ водитель, ну, будь так добр, перевези через улицу!
— Не могу, праждане, и не просите. Туда только бухнись — в два счета мотор заглохнет!
— Так у тебя же полуторка!
— Ну и что ж такое? Полуторка — это вам не амфибия.
С надрывным воем сирен боковыми улицами пробираются куда-то по соседству пожарные машины... Нет, не стихию огня предостоят им укрощать на этот раз. Они спешат на сигналы водяного бедствия, которые подает директор Специального ремесленного училища связи тов. Ермаков:
— Спасите! Опять у нас затопило мастерские, склады и столовую! Полное нарушение учебного процесса!
...В положенное ей время вода спадает. Не видно больше ни уток, ни лодок, улицы Бабушкина и Шаумяна принимают нормальный, «сухопутный» вид. До следующего дождика, до очередного разговора о благоустройстве на очередном заседании горисполкома!

«ЗАКОНОВ ВСЕХ ОНА СИЛЬНЕЙ...»

Любители и знатоки музыки, прочитав заголовок, сразу скажут, что речь пойдет о любви: они хорошо помнят это утверждение Кармен.

Увы! Разговор будет не о любви, а о гражданке Давленовой. Она, правда, не Кармен, а жена начальника Кокчетавской дистанции пути Карагандинской дороги. И выступала она не на сцене, а в автобусе, курсирующем от центра города до вокзала. Ее речитатив держался на высоких и довольно визгливых нотах, жесты и телодвижения были весьма энергичными. При этом героиня имела на вооружении не банальную розу, как на сцене, а увесистую хозяйственную сумку с хлебом, почему на лице кондуктора-девушки остались неприятные следы.

Аплодисментов не было. Был акт о мелком хулиганстве. Был суд. И было решение — 15 суток.

Но осужденная успела пропеть на ухо мужу:

— Прими меры. Нажми!

И муж, повинувшись всемогущей супруге, нажал. Его видели в авторитетных организациях, у директора автобазы № 1. В результате нарушительница общественного порядка была от наказания освобождена. Встретив старшину милиции Вячина, она показала ему ехидный кукиш:

— Что, взял? Вот тебе и закон! Кто сильнее? А?

Милиционер молчал. Он искал ответ на другой вопрос: разве в Кокчетаве своя, местная законность, которая не распространяется на жен местных влиятельных лиц?

Дорогой Крокодил!

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Помоги, пожалуйста, в нашей беде. Два года назад получили мы от Черкасского завода автоматические машины для изготовления баранок. Надо ли тебе говорить, как мы обрадовались им!.. Но, увы, радость была преждевременной. Машины оказались браком.

Куда мы только ни писали, куда ни телеграфировали — просили наладить машины, прислать новые взамен бракованных, — все без толку! Наконец после вмешательства главка Черкасский завод смилоствивился и предложил отгрузить машины для ремонта. Мы отгрузили. И что же? Прошло полгода — и опять ни слуху ни духу.

Так что теперь, как видишь, вместо автоматов по изготовлению баранок нам остались буквально дырки от баранок.

Т. РАШЕВСКИЙ,
директор хлебокомбината.

г. Чита.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Наконец-то! Извечный спор о том, какая пища важнее — духовная или материальная, — разрешен!

Пусть твои читатели узнают имя человека, положившего конец вековым пересудам. Это тов. Устименко А. Д. Не ищи ее имя в списках философов или литераторов. Устименко А. Д. — заместитель председателя Восточно-Казахстанского облисполкома. Проживает она в городе Усть-Каменогорске, где и разрешила древний спор одним росчерком пера, точнее, одной резолюцией.

Когда возник вопрос о приспособлении одного из зданий, находящихся в центре города, под областную библиотеку, тов. Устименко начертала: «Отказать». И тут же распоряди-

лась приспособить это помещение под ресторан.

Отныне каждому грамотному человеку ясно, что духовная пища никак не котуруется по сравнению с пищей материальной. И спорить больше не о чем...

Н. ПЕТРОВ.

Усть-Каменогорск.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Я, конечно, понимаю: для тебя горстка шалевочных гвоздей — ничего не значащий пустяк. А вот для нас, селекционеров, это очень важная вещь. Из-за нее подчас тормозится научная работа.

Скажем, возникла срочная необходимость просушить семенные кукурузные початки. Для этой цели нужны шалевочные гвозди, и мы становимся в тупик. Не потому, что невозможно достать гвоздей, — они на станции есть. Но... чтобы их раздобыть, надо получить:

две подписи директора опытной станции;
две подписи главного бухгалтера станции;
две подписи директора экспериментальной базы, созданной при станции для обеспечения нас нужными материалами;
одну подпись бухгалтера упомянутой станции.

Пока все эти автографы соберешь, дня три, а то и четыре пройдет. Правда, в неотложных случаях мы как-то выкручиваемся: покупаем на свои личные деньги гвозди в магазинах.

Но, может, ты знаешь другой, более эффективный способ материального обеспечения научных работ? Тогда подскажи!

Б. П. РУДОЙ,
исполняющий обязанности заведующего
отделом селекции областной
сельскохозяйственной опытной станции.

г. Пружаны,
Брестской области.

В. ЛЕПКО

В «Сатире» сделалось людней
С установленьем «Банных» дней.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

Мудрая мера

Сатирики должны сложить свое оружие: бюрократизм умер! Его похоронил тов. Каплин — управляющий калужской конторой Глававтогортрансбюта.

На жалобу Песоченской МТС по поводу неаккуратной отгрузки запасных частей тов. Каплин ответил:

«На Ваше письмо от 23.8.1957 г. сообщая, что Вы или не умеете читать письма или нечего Вам делать, что занимаете областные организации разбором Ваших безумных писем... В виду того, что подобные письма ни только мешают в работе нашего аппарата, но они не дают работать Вам и Вашему аппарату, мной дано указание работникам конторы больше не заниматься разбором подобных писем...»

Не отвечать на письма, и все! Нет больше волокиты, потока исходящих бумаг, ненужной переписки.

Вот как просто, мудро и немногословно

разрешил тов. Каплин жгучую проблему борьбы с бюрократизмом!

Плоды раздумий

Кандидат биологических наук И. Д. Кирис и кандидат экономических наук А. П. Попов оказали большую услугу заготовителям, рекомендовав недавно для них научный труд по вопросам экономики и организации охотничьего промысла в ряде областей страны с «Выводами и предложениями», содержащими такой деловой совет: «Для сбора ягод, грибов и др. в колхозах надо привлечь женщин и в первую очередь находящихся в период созревания дикорастущих, в тайге вместе с семьями».

Хотя плоды раздумий двух ученых мужей явно не достигли «периода созревания», они отнюдь не являются дикорастущими. На процитированном здесь «труде» стоит гриф Всесоюзного научно-исследовательского института сырья и пушнины. Тайга!

Б. ЗАХАВА

Яйца самой лучшей кладки,
Но порой с брачком цыплятки.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ. Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов. А 10019. Изд. № 1158. Подписано к печати 29/X 1957 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2782. Тираж 1 000 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

14 НОЯ 1957

23440ш

Некоторые американские государственные деятели в публичных речах то и дело обращаются к богу, прося его ниспослать народам мир и благоволение, а втайне разрабатывают человеконенавистнические планы новой войны.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

«СВЯТОЙ» С УОЛЛ-СТРИТА.

Всероссийская
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Обязат. экземпль.
1957 г.

